

Игорь КОЗЛИК

ИСТОРИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УКРАИНЫ: КАКОВА ОНА?

Статья (в блоке со статьями на ту же тему П. В. Михеда и Н. Р. Мазепа)
напечатана в журнале: Радуга. — Киев, 2006. — № 3. — С. 138–149*

Идею создания истории русскоязычной литературы Украины выдвинули ведущие научные сотрудники Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины доктора филологических наук П. В. Михед и Н. Р. Мазепа. Идея хорошая хотя бы по той простой причине, что позволяет открыть оригинальное исследовательское поле именно для украинской русистики. Ведь понятно, что никто, кроме неё, этой темой заниматься не будет. Это, так сказать, Богом данный «хлеб» украинских русистов, хотя, разумеется, у них при этом могут быть и другие научные заботы.

Однако прежде что-то делать, нужно чётко себе представлять, что, собственно, надо делать, мотивы этого делания, нужно определить, владеют ли инициаторы дела необходимыми средствами для реализации задуманного и т. п. Коротко говоря, нужно как-то прояснить для себя основной круг собственно методологических вопросов. Попытке актуализации некоторых из них и посвящена данная статья.

И прежде всего важно обратить внимание на моменты терминологического плана, а именно: о какой же литературе предполагается вести речь — о русской или русскоязычной? Мне представляется, что более правильным является именно второе категориальное определение, а именно: *русскоязычная*, — потому что оно сразу же ставит наш объектный материал в определённый типологический ряд самостоятельных явлений, которые подходят под общее название *иноязычные* литературы в пределах конкретной

---

* Киевский журнал «Радуга» публикацией указанных статей фактически открыл дискуссионную тему для обсуждения. Свои соображения и материалы по данной проблематике можно присылать по адресу: Редакция журнала «Радуга», ул. Б. Хмельницкого, 51-А, — или по E-mail: rdga@yandex.ru

национальной литературы (например, немецкоязычная, польскоязычная, англоязычная, франкоязычная и т. п.).

Такое определение сразу же сигнализируют, что речь идёт об иноязычных текстах, возникших вне изначальной культурно-исторической и национально-культурной зоны функционирования того национального языка, на котором они написаны, и находящихся по отношению к этой метропольной, центральной зоне (и только!) на маргинесе. Однако эта маргинальность не может с самого начала, т. е. до проведения конкретных исследовательских работ, приниматься как абсолютный показатель или как ведущая аксиологическая характеристика. Кроме того, характеристика таких иноязычных текстов может меняться с изменением национально-культурного контекста их рассмотрения.

Понятие же *русская литература* сигнализирует совершенно о другом — о группе текстов, которые являются агентами (в нормальном функциональном смысле слова) иной — исключительно метропольной русской — культуры в пределах текстового поля данной национальной культуры. Такое явление вполне возможно, причём не обязательно в отрицательном плане, но оно никак не исчерпывает более общее, сложное, многоаспектное явление инонациональных составляющих национальной культуры, предполагающее сложную и разновекторную динамику как культурного синтеза, так и культурных конгломератов, и реализующееся не только в плане интеграции и взаимодействия, но и в отношениях дифференциации.

При этом нельзя сказать, что исследование русскоязычной литературы Украины не имеет или не может иметь связи с проблематикой постколониализма. Но вряд ли правомерно воспринимать его исключительно в постколониальной исследовательской парадигме хотя бы потому, что тексты, о которых предполагается вести речь, не могут быть однозначно идентифицированы как часть наследия колониализма, они не относятся к метадискурсу «третьего мира», не рассматриваются с целью выявления в них структур противостояния колониализму и т. д.[†]

[†] О признаках постколониальной критики — см.: Слово. Знак. Дискурс. Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. 2-е вид., доп. / За ред. М. Зубрицької. — Львів, 2002. — С. 703–708.

Вместе с тем, стоит обратить внимание и на то, что, указанная проектная тема не является, так сказать, спокойно академической, поскольку непосредственно связана с болезненными политическими проблемами, в частности с постоянными попытками разыгрывать политическую карту так называемого «вопроса о статусе русского языка в Украине» и вообще с «привычкой» привязывать любое обращение к теме русской культуры к прагматической плоскости существующих между правящими властями, политическими группировками и силами Украины и России разногласий и политических коллизий.

В этом отношении *ведущим условием*, обеспечивающим действительную необходимость и ценность предполагаемого проекта, является *сознательное и последовательное выведение его из плоскости* сегодняшней *узкополитической* прагматической *конъюнктуры*, в пределах которой невозможно отнестись объективно (незангажированно, непредвзято) к долгой и сложной истории функционирования русскоязычных художественных текстов в аутентичной украинской национальной среде. Нужно полностью осознать, что вопрос о русскоязычной литературе Украины — это не вопрос «раздела имущества» с кем бы то ни было, это не средство противостояния или, наоборот, заигрывания и тем более поборки (или угодничества) кому- или чему бы то ни было.

Русскоязычная составляющая является актуальным, действующим и в этом отношении живым фактором современного разворачивания традиционно полиэтнической (а также поликонфессиональной, если брать религиозную и церковную сферы) украинской культуры, взятой в её целостности и самобытности. И научное литературоведческое изучение её необходимо *прежде всего нам* как одно из действенных средств сознательного, культуросозидательного, направленного на продуктивную историческую перспективу формирования *внутреннего культурного поля нашего собственного национально-государственного существования*.

Формирование самобытного национально-культурного поля обитания — это то, что за нас никто не сделает и не обязан делать, это то, что мы делаем

для себя и для того, чтобы, обретая необходимую степень собственной культурной аутентичности, полноценно жить в большом диалогическом пространстве современной человеческой цивилизационной культуры.

Исходя из сказанного, цель предполагаемого исследовательского проекта может быть сформулирована следующим образом: системно исследовать художественно-эстетический феномен русскоязычной литературы Украины как самобытное (а не эхоевое, отблесковое = маргинальное, периферийное) явление в эволюции и современном состоянии украинской культуры. Как структурная (и поэтому органичная) составляющая последней, русскоязычная украинская литература отлична от собственно русской (российской) литературы, являющейся культурной базой и национальным достоянием России, имеющей, по справедливому замечанию П. В. Михеда и Н. Р. Мазепы, свой национально-культурный и эстетически-поэтологический профиль, свою проблематику, воплощающую свою национальную картину мира и самобытную жизнь российской национальной эмоции и российского национального разума.

Для достижения поставленной цели необходимо решить *несколько задач*:

1) охарактеризовать истоки возникновения русскоязычной составляющей в текстовом пространстве украинской культуры, описать динамику её отношений с другими составляющими это пространство;

2) дать периодизацию исторического её функционирования от возникновения до наших дней;

3) восстановить и ввести в научный обиход (с максимальной полнотой) персональный состав украинских русскоязычных авторов (большой частью сегодня забытых или редко вспоминаемых) не только первого, но и второго и третьего рядов, но таких, тексты которых требуют для своего рассмотрения *понятия поэзии* (художественной литературы как вторичной моделирующей системы), а не являются исключительно способом фиксации индивидуальных эмоциональных состояний и, следовательно, исключительно частным фактом биографии конкретного человека;

4) вычленив (в разумных пределах возможного) собственно российский комплекс идей историсофского, религиозно-экзистенциального, социокультурного, эстетико-поэтологического и т. п. планов для того, чтобы проследить и описать вариативные формы их трансформации на украинской культурной и общественно-литературной почве, их разнообразные взаимодействия с базовыми украинскими культурными, включая идейно-эстетические и поэтологические, элементами и факторами;

5) обосновать парадигму для научно состоятельной и адекватной эстетической оценки художественного уровня основного состава украинских русскоязычных текстов, проверив состоятельность традиционного мнения об их заметно низкой художественной ценности, которое сформировалось в плоскости линейных отношений между национальными литературами, когда критерием для оценки иноязычного текста является не культурная сфера его возникновения и функционирования, а та культурная система, где язык этого текста является базовым и которая обслуживает иное национально-государственное образование (это плоскость традиционной оппозиционной пары «центр / периферия»);

6) учитывая особенности и историю функционирования русскоязычной литературы Украины в контексте типологически сходных явлений в других, в частности славянских литературах, по-новому осмыслить «украинскую школу» в русской литературе, исследовать литературное москвофильство, одесскую литературную школу и другие историко-литературные явления, которые возникли в условиях социально-культурного и общественно-литературного пространства Украины.

Общим условием решения указанных задач и достижения поставленной общей цели является не только объединение усилий научной гуманитарной общественности всей — Восточной и Западной — Украины, не только строгий учёт уже наличного в прошлом опыта избранной научной проблематики[‡], не только научное сотрудничество и кооперация между

[‡] Имеются в виду, например, дореволюционные «Очерки истории украинской литературы» М. Петрова (К., 1884), а также sporadическая попытка советских времён — сборник «Русская литература Украины» (К., 1971) — издания, на которых (особенно это касается труда М. Петрова), как считают П. В. Михед и Н. Р. Мазепа, «остановилось системное изучение русскоязычной литературы Украины». Кроме того,

представителями различных литературоведческих школ в современной украинской науке о литературе, но и учёт опыта и достижений подобных или близких к данному проектов в других странах. Речь идёт, как минимум, об опыте компаративного изучения проблем *культурного пограничья*, много лет осуществляемого с широким привлечением учёных разных стран в польском литературоведении (его результаты представлены в десяти существующих на сегодня научных сборниках «Acta Polono-Ruthenica», изданных Институтом Восточного Славянства Варминьско-Мазурского университета, г. Ольштын, Польша), а также в аспекте проблематики *диалога культур* и неоднозначной проблемы *мультикультурализма* (это, по моему мнению, особенно касается изучения именно современной русскоязычной литературы Украины) — существующего опыта в сегодняшней российской гуманитарной науке вообще[§], и в частности скооперироваться с учёными Томского государственного университета, которые сейчас работают над реализацией исследовательского проекта «Судьба восточнославянского культурного сообщества в ситуации мультикультуры» (его представители в июне месяце с. г. уже побывали в Киеве и выступали на указанном выше круглом столе «Вопросы изучения истории русскоязычной литературы Украины»).

Важными представляются и некоторые моменты в разработке теоретической историко-литературной концепции истории русскоязычной литературы Украины. В частности, она, помимо всего прочего, должна ответить на следующие вопросы: по какому критерию подбирать эмпирический материал и какова в этом роль собственно языкового фактора? с какого времени начинать вести историю избранного для исследования

необходим, как вполне справедливо считает В. Я. Звизняцкий, учёт исследовательских опытов Н. К. Пиксанова и А. И. Белецкого, касающихся проблематики данного проекта.

[§] Кстати, соответствующие разнообразные материалы по проблеме мультикультурализма достаточно широко представлены на Интернет-сайтах. Здесь, к примеру, можно найти: материалы состоявшейся в Петрозаводске в 2001 году 3-й Международной научной конференции «„Свое“ и „чужое“ в культуре народов европейского Севера»; материалы Международной научной конференции «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ», состоявшейся в Московском Центре Карнеги в сентябре 1999 года при поддержке Фонда Карнеги «За международный мир», бюро ЮНЕСКО в Москве, Московского отделения Фонда им. Ф. Эберта и Немецкого культурного центра (Институт Гёте); электронные варианты работ В. С. Малахова, Е. П. Борзовой, Е. Г. Турбиной, Н. Н. Федотовой, М. Фонотова, О. Паченкова, И. Забела, А. Бренера и Б. Шурц и многих других авторов; материалы из различных справочно-энциклопедических изданий и т. п.

явления и как оно согласуется с основными тенденциями общественно-литературного и культурно-исторического развития Украины?

На вопрос о роли языка в выражении национальной ментальности и определении национально-культурной сущности литературного явления можно ответить вполне определённо: *естественный*, говоря семиотическим определением, *язык не является единственным и решающим критерием национально-культурной принадлежности литературного явления*, что, кстати говоря, в Украине понимали ещё во второй половине XVII века. Так, об этом идёт речь в стихотворении Л. Барановича «Русин до поляка, що польськи балака», о котором читаем у В. Шевчука: «Язык произведения, вещает поэт, не является признаком национальной принадлежности автора, из-за чего он и призывает поляков писать на украинском языке. ...,вольність мають поетове щодо вимислів та мови”...», это не нарушает его национального статуса. Главное — это не язык, („хай я вжив незграбне слово”), а чтобы „суть була здорова”»^{**}. И позже, в первой половине XVIII века, в поэтике М. Довгалеvского «Сад поэтический» (1736) находим теоретическое утверждение многоязычности украинской литературы^{††}.

Так или иначе, но в качестве критериального фактора естественный язык срабатывает только в комплексе с другими идентификаторами. И об этом красноречиво свидетельствует история украинской литературы и культуры.

Как известно, из-за действия решающего экстралитературного фактора — исторически длительного отсутствия в Украине суверенной государственности, — во-первых, развитие культурных вех здесь всегда зависело от уровня и процесса державотворчества, и, во-вторых, украинская культура была культурой народа, который находился на маргинеce, т. е. не в центре национально-культурного региона, а на его обочине и окраинах^{‡‡}, а, значит, на границах с другими культурными регионами. Оказавшись на перекрёстке

^{**} Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть: У 2 кн. — К., 2004. — Кн. 1: Ренесанс. Раннє бароко. — С. 88–89.

^{††} См. об этом: Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть: У 2 кн. — К., 2005. — Кн. 2: Розвинене бароко. Пізнє бароко — С. 501.

^{‡‡} См.: там же. — С. 680.

разностадиальных культур^{§§}, Украина «должна была пользоваться как литературным не одним языком, а целым своеобразным их комплексом, что зависело от национальных традиций, от восприятий новых веяний, от неполноценности государственной жизни, от пользования разными системами просвещения»^{***}. Обращение украинских писателей в своём творчестве к другому национальному языку зависело и от того, существовала ли в тот или иной момент в Украине практика писания украинским языком произведений тех или иных жанров, а также того, какой язык использовался теми, кому писатель сознательно адресовал своё произведение^{†††}.

Достаточно сказать, что начиная со времён Киевской Руси и до XIX века включительно, в качестве литературных языков (конечно, в разной степени активности, с различными интенсивностью и удельным весом) в Украине всегда выступали несколько языков, в частности пришедший из Болгарии и созданный Кириллом и Мефодием церковнославянский язык, древнерусский язык (как своеобразный суррогат церковнославянского и тогдашнего украинского бытового языка), латинский язык, греческий язык, польский язык, а с XVI столетия и позже — книжный украинский язык и народный украинский язык^{‡‡‡}.

Поэтому появление, начиная где-то с середины — второй половины XVIII века, в качестве литературного языка, приближённого к русскому, а потом и собственно русского языка не является экстраординарным фактом или чем-то таким, что противоречит внутренним тенденциям культурно-исторического развития Украины, не является чуждым историческому многоязычию

---

^{§§} Я имею в виду тот факт, что в Украине, в отличие от Польши и тем более стран Западной Европы, не произошло «решительной победы Ренессанса над Средневековьем» (а, значит, добавлю, не были вовремя решены определённые проблемы, в частности единства национального языка, которое обеспечивается формированием его литературной нормы, воплощаемой в классических литературных текстах) и «наша литература не развивалась на всех параметрах европейской и не всегда с нею в унисон» (там же. — С. 684). Правда, указанную маргинальность нельзя воспринимать как свидетельство неполноценности или отсталости украинской (как и любой другой) литературы. В данном случае, помимо указанной выше позиции Л. фон Ранке о равноположенности и самоценности культурно-исторических эпох, стоит помнить и о том, что «судить литературу нужно не за то, чего в ней нет, чего в ней не было из-за исторических обстоятельств, условий и особенностей развития, а только за то, что в ней было. ...литература имеет то свойство, что пространство её творения безгранично, и только то произведение является великим, которое предъявляет собственные параметры и самодостаточные, неповторимые эстетические достоинства» (там же. — С. 685).

^{***} Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть. — Кн. 1. — С. 83.

^{†††} См. об этом: там же. — С. 169.

^{‡‡‡} См. об этом подробнее: там же. — С. 83–84, 89; 12, 412.

(полилингвизму) украинской литературы, когда украинские писатели для собственных культуросозидательных творческих целей в своём творчестве пользовались разными национальными языками^{§§§}.

Более того, на каждом из указанных языков возникала своя литература, функционирующая в украинском культурном пространстве (часто одновременно и при этом бесконфликтно с другими образованиями) и обслуживающая его, например, *латиноязычная украинская литература* (внедряется с конца XV века, последний свой всплеск переживает в XIX веке в творчестве представителя Закарпатья Василя Довговича), *украинская польскоязычная литература* (восходит к последней четверти XVI века к «Эпицедиону» неизвестного автора, в XVII столетии на польском языке пишут М. Смотрицкий, Т. Евлевич, А. Кальнофойский, Й. Калимон, И. Денисович, во второй половине XVIII века представлена Л. Барановичем, И. Величковским, И. Орновским, С. Яворским, П. Орликом, П. Терлецким, Л. Крщоновичем, И. Галятовским и др., угасает уже в XIX веке)^{****}.

Параллельно с иноязычной украинской литературой, которая не входила в контекст метропольной литературы языка своего создания, в украинском литературном процессе функционировали и *межнациональные культурные и литературные комплексы*, которые образовывались украинцами в пределах неукраинской культуры и неукраинцами, которые репрезентовали украинскую тему в пределах своей национальной культуры. Примером здесь может служить польско-украинская культура, восходящая к второй половине XVI века и просуществовавшая вплоть до начала XIX века (сюда в частности относятся западноукраинские писатели второй половины XVI — первой половины XVII века Й. Верещинский, Н. Сенп-Шаринский, С. Гроховский, братья Чагровские, братья Зиморовичи, Б. Братковский, С. Симонид Бендовский, Ян Щасный-Гербурт, М. Пашковский и др.)^{††††}. Рождению этой культуры, считает В. Шевчук, содействовала ренессансная культурная традиция, которая создавалась в пределах польской культуры выходцами из

§§§ Примеры — см.: там же. — С. 88.

**** См.: там же. — С. 36, 45, 88, 51, 373–374, 86–87, 81–85 и др.

†††† См.: там же. — С. 88, 224, 79.

Украины, которые не переставали осознавать себя украинцами. Именно эта польско-украинская культура и «дала толчок постоянным разработкам украинской темы в собственно польской литературе», которые в первой половине XIX века проявились «в форме так называемой украинской школы...», потом были продолжены в творчестве А. Марцинковского и Ю. Крашевского и продержались вплоть до нашего времени, например, в творчестве Я. Ивашкевича^{††††}.

И здесь совершенно уместно вспомнить также такое специфическое сембиозное явление как мультинациональная буковинская культура (= черновицкий миф), в которую в качестве частицы австрийского литературного процесса входила и немецкоязычная поэзия Буковины. Здесь же стоит упомянуть и „украинскую школу” в австрийской литературе XIX века, представители которой (Э. Р. Нойбауэр, М. Амстер, Л. А. Симичинич-Штауфе, В. У. фон Франквель, Й. Г. Обрист, К. Э. Францоз и др.) воспевали на немецком языке Буковину, её природу, людей, народные верования и обычаи, популяризировали в немецкоязычном мире украинскую литературу и фольклор^{§§§§}.

Следовательно, можно вполне согласиться с двумя выводами В. Шевчука, которые покоятся на последовательном проведении принципа историзма относительно эмпирической историко-культурной и историко-литературной базы:

— «Несмотря на то, что украинская литература как историческая многовековая субстанция имела развитие в себе, в определённой мере в общеевропейском контексте... и растила черты автономические, самой жизнью она была втянута в силовое поле культуры того государства, в котором пребывала, чем и порождено возникновение литовско-белорусско-украинской, польско-украинской, русско-украинской подлитератур как межнациональных явлений. Без их изучения культурный процесс в Украине понять невозможно»^{*****} ;

†††† Там же. — С. 79.

§§§§ См. об этом: Загублена арфа: Антологія німецькомовної поезії Буковини / Концепція вид., пер., передм. та бібліогр. довідки П. Рихла. — Чернівці, 2002. — С. 9, 11, 13 и пр.

***** Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть. — Кн. 1. — С. 12.

— в условиях эстетической эпохи Ренессанса, в частности в его соединении с поздним Барокко языковой фактор «не мог играть существенной роли...: римо-католик мог писать языком украинским или даже греческим, а православный — польским и латинским. ...национальный облик древней <т. е. средневековой> украинской литературы определялся не так языковым показателем, как определённой системой: *о ком* <объект и материал изображения>, *как* <эстетика и поэтика> *и для кого* <реципиент-адресат> написана эта литература — этим... и обнаруживается её национальный контекст»^{††††}.

Всё вышесказанное относится и к истории русскоязычной литературы Украины, которая имеет типологическую общность с другими иноязычными литературами Украины, стимулировалась в своём развитии общими экстралитературными факторами (отсутствие собственной государственности, усиливавшееся со второй половины XVIII века влияние имперской политики России), поддерживавшими в украинской литературе, помимо всего прочего, и инерцию исторически устоявшейся традиции полилингвизма, правда, изрядно её драматизировав.

Если учесть опыт функционирования русскоязычной литературы в Украине со второй половины XVIII века (с момента её возникновения) до конца XIX века, когда она развивалась на фоне уже сложившейся украинской литературы как самостоятельного культурно-эстетического феномена, то можно утверждать, что русскоязычное текстовое пространство Украины образовывалось несколькими составляющими. Оно включало в себя:

1) *украинскую русскоязычную литературу*, создаваемую украинцами в XIX веке, которая не отрывалась от украинского литературного контекста, работала в пределах его эстетики и поэтики; эта литература, с точки зрения В. Шевчука, генетически происходит от того течения в восточно-украинском литературном процессе второй половины XVIII века, представители которого в своём творчестве употребляли приближённый к русскому язык, наполненный определённым количеством украинизмов и

---

^{††††} Там же. — С. 374.

церковнославянизмов (к этому течению относят «Оду на первый день мая 1761 года» И. Максимовича, «Разговор Великороссии с Малороссией» (1762) С. Дивовича, сатирические произведения инока Якова, а также таких авторов, как Г. Сковорода (часть стихотворений, «Харьковские басни», философские трактаты), М. Соколовский, И. Фалькивский, Г. Политыка, творец «Истории Руссов», О. Ригельман, П. Симоновский и др.);

2) творчество *двуязычных писателей*, сформировавшихся в традициях украинской культуры и могших выступать представителями последней в собственно русской культурной среде; сюда относятся, к примеру, Ф. Прокопович, Г. Кониский, Г. Сковорода, П. Кулиш, Н. Костомаров, Г. Квитка-Основьяненко, Марко Вовчок, Е. Гребинка, Т. Шевченко и др.; сюда же можно отнести и тех собственно украинских писателей XX века, которые, наоборот, вначале своего творческого пути начинали писать по-русски, а потом полностью перешли на украинский язык как ведущий литературный (например, тот же П. Филипович, В. Сосюра, Е. Плужник и мн. др.; кстати, явление это тоже обычное. Вспомним хотя бы буковинцев Ю. Федьковича, С. Воробкевича, Е. Ярошинскую, О. Маковея, О. Кобылянскую, которые начинали свой путь в литературе как немецкоязычные авторы⁺⁺⁺⁺);

3) *межнациональный комплекс украинско-русской литературы XVIII–XIX веков*, произведения которого можно рассматривать во взаимосвязи с двумя контекстами — русской и украинской литератур (В. Капнист, В. Рубан, К. Кондратович, Н. Гоголь, В. Нарезный и др.); представители этого межнационального комплекса часто отрывались в эволюции своего творчества от украинского литературного контекста и выступали (через сознательное устремление, тематику, эстетику и поэтику своих произведений) действующими фигурами собственно русского литературного процесса^{§§§§}.

++++ См.: Загублена арфа: Антологія німецькомовної поезії Буковини. — С. 13.

§§§§ См.: Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть. — Кн. 1. — С. 92, 79; 12, 593.

Изменения, произошедшие в общественно-литературном процессе в XX веке и связанные с теперь уже законченным циклом советской литературы, естественно усложнили функциональность русскоязычной литературы Украины, которая тоже несла на себе отпечаток деления литературы на официальную литературу, литературу внутренней эмиграции и литературу зарубежья. Развиваясь в украинской культурной среде и создаваясь авторами различных национальностей, включая и украинцев, которые не отрывали себя от этой среды и одновременно были воспитаны на традициях русской классической литературы, с которой сознательно себя и связывали, русскоязычная литература Украины проявила себя как своеобразное синтетическое явление, развернувшееся на разных уровнях художественно-эстетической ценности — от первостепенных писателей до авторов второ- и третьестепенных.

Как и в прежние времена, в украинской литературе продолжают действовать авторы и только русскоязычные, и двуязычные, и те, кто сознательно привязывает себя к Украине, и те, кто пытается прорваться в культурную зону России. Но мне представляется, что в любом случае создаваемые русскоязычные тексты несут на себе отпечаток украинской культурной среды своего возникновения, они неизбежно должны трансформировать собственно русский элемент (в том числе и язык), неизбежно вступающий во взаимодействие с эмоциями, мыслями, раздумьями и переживаниями, вызываемыми украинскими культурно-историческими и общественными условиями.

Стоит также учитывать и факт регионализации русскоязычной литературы Украины, содержание и последствия которой ещё только предстоит изучить.

Как бы там ни было, но русскоязычную литературу Украины XX века нельзя свести к какому-то одному тематическому вектору, уровню, содержательной плоскости, тематической, жанровой или стилевой направленности.

Не сводима украинская русскоязычная литература XX века и к «синдрому диаспоры», к феномену Ткани, наброшенной на Ландшафт украинского языка, существенными признаками которой, как считает В. Ешкилев, являются способность / стремление к особому обособлению, полное подчинение охранительной функции с одновременным ослаблением функции поисковой и творческой^{*****}.

О подобном же стремлении к обособлению, но уже в отношении украинской нации, говорил в своей публичной лекции «Украинский путь» П. Загребельный, который, как отмечает Е. Мирошниченко, «склонен принять такую точку зрения: три четверти украинцев — это городские жители, но почти все они выходцы из села. Над ними тяготеет чувство трайбализма», т. е. непреодолимая «склонность к племенной, культурной и общественно-политической обособленности, к клановости, кумовству, прощелковости — к хуторянству»^{†††††}. Однако даже в тех случаях, где диаспорно-островной характер того или иного культурного явления доминирует (как, например, в случаях с черновицким литературным феноменом или немецкоязычной литературой Праги) или входит в явление как одна из составляющих, он, как мне представляется, всё же не является фактором, действие которого в любых условиях обязательно приводит к снижению творческой активности и поисковости и концентрируется только на обеспечении одной охранительной функции.

Вместе с тем достаточно сказать, что, судя по опыту издания антологии русскоязычной литературы Прикарпатья, большая часть её участников является либо украинцами, либо представителями других, не русской, национальности, причём такими, для которых Украина — это не вторая, а первая родина, их родной дом, и украинский язык — их родной язык, по крайней мере, не чуждый им. Такие авторы не бездомны, и русская культура для них не приписана в качестве единственного владельца находящейся за границами Украины государственно-политической метрополии. Она,

---

^{*****} *Ешкилев В.* Обособление Ткани // *Ткань и Ландшафт: Антология русскоязычной литературы Прикарпатья.* — Ивано-Франковск, 2003. — С. 7.

^{†††††} *Мирошниченко Е.* Чайка над лиманом. Беседы с писателями. Статьи. Заметки о книгах. — Николаев, 2005. — С. 39.

своеобразно, по-своему воспринятая и духовно освоенная ими, является не чужой и не удалённой от некоторого материка (материк то — Украина), поскольку попав в зону понимания и постоянного переживания, становится достоянием понимающего, входя в его духовное основание. А поэтому русскоязычной литературе Украины, взятой в её целостности и разнообразии, в отличие, возможно, от конкретных людей, создающих русскоязычные тексты, не может быть характерен (в качестве обязательного определяющего признака) упоминаемый В. Ешкилевым «синдром бездомности, ...грамматическая травма, требующая структурной клиники доктора Фуко»⁺⁺⁺⁺⁺.

В этом отношении представляется значительно более продуктивным рассматривать корпус украинской русскоязычной литературы в плоскости бытийного феномена как «Сад Выговорённый»^{§§§§§§}, где простирается мир и который освежал Ницше своей цветистостью. В. Ешкилев приводит следующую цитату из Ницше: «Меня освежает болтовня: там, где болтают, мир уже простирается передо мною, как цветущий сад». Эту ницшеанскую метафору «болтовни» стоило бы иметь в виду при попытках дискредитации украинской русскоязычной (как, наверное, и любой другой иноязычной) литературы исключительно как малохудожественной, тем более, что аксиологический критерий относительно художественных текстов (да и текстов вообще, как не без основания считали постструктуралисты) является достаточно относительным и не имеет абсолютной доказательно-убедительной силы. Если, как образно пишет В. Ешкилев, в этом Саду «тихо прорастает трава культурной памяти и стелятся заросли лирической метафизики»^{*****}, то перед нами уже культурный и эстетический феномен, за которым, помимо прочего, так или иначе ощущается присутствие большой культурной и художественно-эстетической традиции, связанной с Проектом Просвещения. Ведь уже сам факт использования В. Ешкилевым в разговоре о

⁺⁺⁺⁺⁺ Ешкилев В. Обособление Ткани. — С. 6.

^{§§§§§§} Как бы там ни было, но это куда более перспективнее и продуктивнее в сравнении с ситуацией зеркального карпа из стихотворения Розы Ауслендер, который, будучи приправлен перцем, «молчал пятью языками» (Загублена арфа: Антологія німецькомовної поезії Буковини. — С. 175).

^{*****} Ешкилев В. Обособление Ткани. — С. 7.

русскоязычной Ткани украиноязычного Ландшафта образного выражения «Сад Выговорённый» неминуемо вызывает ассоциацию не только с определёнными высказываниями Ницше, тоже использовавшем образ сада, но и с отдельными пластами истории украинской барочной литературы, в частности с известной поэткой первой половины XVIII века М. Довгалевского, в названии которой читаем: «Сад поетичний, вирощений задля збирання квітів і плодів віршованого і прозового слова в Київській Могильно-Заборовській академії для більшої користі роксоланському садівникові...». «Образ сада духовного, — пишет В. Шевчук, — как духовной субстанции в нашей традиции случался не раз: это и „Евхаристирион“ С. Почаского, и „Богатый сад“ И. Орновского, так названо ряд риторик, назвал садом свой сборник и Г. Сковорода. Поэты затем называются „садовниками поэзии“...Цветы этого сада „поучительные“. „Этот сад <читаем у Довгалевского> принесёт утешение скорбным душам, будет побуждать равнодушных на прекрасные поступки, ...будет сдерживать жестоких..., а кроме того... из потомков будущих поколений сделает и подготовит трудолюбивых садовников”»^{††††††††}.

Особое внимание должна обратить на себя русскоязычная литература Украины постмодернистской направленности, которой характерна не только сознательная установка на аксеологическую индифферентность, вовсе выводящей «проблему литературного качества за скобки актуальной нарратологии»^{††††††††}, но и способность выполнять в современной украинской общественно-литературной жизни более сложную функцию, стремясь подключиться к определённым общемировым гуманитарным тенденциям (заявившим о себе в разнообразных культурных и литературных формах), создавая тем самым поле для культурного диалога в тех парадигмах мировосприятия, которые порождены актуальной сегодня социокультурной ситуацией Постмодерна, в своих истоках вызванной глубинным кризисом Проекта Просвещения.

^{††††††††} Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть. — Кн. 2. — С. 499.

^{††††††††} Ешкелев В. Обособление Ткани. — С. 6.

Наконец, есть смысл поговорить и о композиционных вопросах предполагаемой «Истории украинской русскоязычной литературы». Она, как мне представляется, должна состоять из общего *Введения* (или чего-то вроде вводных замечаний от руководителей проекта, где бы речь шла об истории написания монографии, происхождения идеи этого проекта и т. п.), *общего раздела*, в котором, во-первых, отдельно излагались бы методологические основания исследовательской работы, и, во-вторых, и была представлена теоретическая картина истории развития русскоязычной литературы Украины.

Дальнейшая же композиция материала должна, по-моему, отражать основные историко-культурные и историко-литературные этапы и периоды развития украинской литературы, поскольку русскоязычную литературу предполагается рассматривать именно как структурную составляющую украинского литературного процесса. Это может иметь следующий вид:

1. Русскоязычная литература второй половины XVIII (исток) — XIX (состояние развёрнутого явления) веков.
2. Русскоязычная литература XX века.
3. Русскоязычная литература Украины рубежа XX — XXI веков

Внутри указанных периодов можно и нужно выделять подпериоды, возможны также дифференциации в зависимости от литературного направления, стилевых и жанровых особенностей творчества и т. д. — и вообще учитывать их специфику, своеобразие, отличия между ними, что позволит более гибко и органично работать с конкретным эмпирическим материалом.

При этом вполне можно согласиться и с тем, что каждый том, посвящённый отдельному историко-литературному периоду, должен строиться на соединении обзорных статей с чётко концептуальными и монографическими статьями, посвящёнными наиболее показательным для того или иного периода или художественного явления украинским русскоязычным авторам. Причём в каждом из случаев важно рассмотреть всю мотивационную гамму обращения того или иного писателя к русскому

языку, которую нельзя исчерпать только чисто субъективными намерениями (например, хотел печататься в Москве и т. п.) или причинами насильственного характера (неблагоприятными социальными условиями, когда на украинском языке нельзя было ничего напечатать). В любом случае важно помнить, что помимо указанных прагматических мотиваций существует ещё внутренняя мотивация *экзистенциального* плана. Принципиальным представляется и требование присутствия в статьях исчерпывающей библиографии, что значительно повысит уровень предполагаемого издания и при этом будут заложены основания для дальнейших исследований и изданий русскоязычной литературы Украины.
